

Глава 6

□ Тридцатое июня. Встреча с Учителем в долине слияния.

2. «Было ли требованием попросить жену второй раз (на следующий день после первого раза) поиграть на пианино с братом-саксофонистом, делая акцент на том, что брат поднялся на строительство нашего дома в надежде совместно помузицировать, если на первую просьбу жена отказалась, ссылаясь на усталость?»

3. «Ты попросил или потребовал?»

4. «Просил».

5. «Тогда непонятно, почему считается требованием то, что ты попросил. Это особенность проявления какая-то, которую можно обозначить как требование. А из того, что ты спрашиваешь, непонятно, на самом деле что происходило.

6. Тебе кажется – попросил, другой человек говорит – потребовал. А почему он так подумал, что потребовал – непонятно. Вопрос не получился. Ты как будто бы спросил: «Было ли требованием то, что я попросил?» А как определить это на таком вопросе?

7. «Было ли требованием, если я...» – и обозначь, как ты просил. Интонация, или какой-то ещё напор, или какие-то фразы были произнесены, в которых как раз и прочиталось требование. А то получилось: «Жена, пожалуйста, поиграй с братом» – было ли это требованием? Ты то же самое как будто бы спросил, это тоже вмещается в твой вопрос. Но это никак требованием не может быть.

8. Или: «Жена, ну-ка иди-ка поиграй с братом» – это тоже просьба. Но она уже грубая, она уже неправильная. Но это относится к просьбе. Так ты говоришь: «Я попросил», а вот как ты это делал – ничего не сказано».

9. «Дело в том, что я на первую просьбу сказала, что не могу, очень устала, у меня нет ни сил, ни настроения», – вступила в разговор жена.

10. «Ну, понятно. А вторая просьба, если она прозвучала через пять минут, – это неуместно. Если на другой день, то ты могла и отдохнуть за это время».

11. «А я такая была уставшая, что и на следующий день не отдохнула».

12. «А он откуда знает?»

13. «Я и на следующий день сказала, что не могу».

14. «Ну, а откуда взялось требование? Кто кому предъявил, требование это или не требование?»

15. «А он тогда, на второй день уже, говорит: «Человек поднялся нам помочь по стройке. Почему ты не можешь? Что за стенка у тебя стоит?» А я говорю: «Вот не могу». Мне надо было преодолеть себя и через силу поиграть?»

16. «Нет, не можешь так не можешь. И что?»

17. «Вот я тоже хотела спросить».

18. «Ну, вот вы и поговорили. А у кого претензия возникла, что это требование? Или вы просто сами по себе спрашиваете, не перегнули ли палку, спрашивая друг у друга такое?»

19. «Да, у нас как бы осадок остался. И меня смущает, что я непослушание проявила».
20. «Нет, допустимо так. Что сейчас описано – это допустимое явление, нарушения здесь нет. Ну, единственное, что, может быть, не стоило мужу переспрашивать, что за стенка стоит, если ты уже сказала, что не можешь».
21. Хотя возможен такой вопрос, подразумевающий, что, может быть, у тебя какая-то установка срабатывает, мешающая тебе сделать что-то, на его взгляд, благоприятное. И тогда этот вопрос может подразумевать возможность немножко разобраться и, если это ошибочная у тебя установка, попробовать её убрать».
22. Но если ты говоришь: «Я уставшая», это к установке не относится, такое возможно. Человек уставший, и ему сложно творчески себя как-то выразить».
23. «А если б я послушалась, у меня, может, усталость прошла бы?»
24. «Может быть. Не знаю. Это только методом действий своих можно убедиться в этом».
25. «Следующий вопрос. У жены испортилось настроение на два дня от моей просьбы: «Нужно прополоть пять рядков картошки, мне уже пора окучивать». В моих интонациях она часто улавливает приказной тон, которого я не замечаю. Правильно ли будет вместе с ней поработать над моей интонацией? Возможно ли, в случае неудачи, выразить просьбы на бумаге?»
26. «Это то, что вы вместе должны уметь решать: почему кажется приказным? а как было бы лучше? Где вы смотрите: может быть, тебе что-то действительно поменять надо. Но это то, в чём вы должны вместе разобраться, вы должны как-то оговорить, что смущает. Что именно конкретно смущает. Чтобы попробовать посмотреть, а как лучше было бы, а как видится это приемлемым; какие слова, на её взгляд, лучше было бы, чтобы ты произнёс».
27. Но это то, где вы общаться должны уметь и находить эти варианты. Получается, ты спрашиваешь дальше от нерешённой проблемы: а надо ли было тогда вместе, может быть, что-то сделать? Но изначально неправильно что-то у вас в общении складывается, оно не решено пока. Вот это вы и должны решить».
28. «Если на его вопрос: «Что тебя напрягло?» я сказала: «Голос, интонация», то допустимо ли так говорить? Или надо было сказать: «Ничего особенного, я просто работаю над собой?» – опять вступила в разговор жена».
29. «Голос – это не однозначно нарушение какое-то. Ты можешь сказать: «Да, мне показалось, что голос какой-то... смутил меня. Но я понимаю, что я глупая и неправильно воспринимаю твои действия. Поэтому я сейчас поработаю. Не обращай внимания. Ну, бестолковая я у тебя. Пробую справиться с собой». Не пробовала так сделать? Ну, попробуй, это полезно».
30. Ты скажи: «Да как хочешь. Ты, конечно, можешь и заорать на меня, это нормально. Я понимаю – ты меня любишь, ты мой друг. Я тебе стараюсь быть другом. Просто смутило, непривычно, что на меня орут. Ну, я понимаю, что у тебя просто громкий голос, это, видимо нормально».
31. То есть где ваша попытка найти смиренное такое решение ситуации? Вы смущаетесь от каждой глупости».
32. Он подошёл, рывкнул тебе в ухо, и ты подпрыгнула, выронила ложку (кушала, чуть не подавилась) – тогда ладно ещё, можно рассмотреть: что-то он тут переборщил. А хотя, может быть, он играл так. И уже можно подумать, что злого умысла не было у него. Ну, играл так, порезвился «малыш».
33. Вот уже можно улыбнуться так, видишь. А вы сразу торопитесь напрячься и уличить его в шпионаже в пользу Америки».

34. «Добрый день, Учитель. Можно ли священнику включить в литургию псалом, который он считает красивым и возвышенным, если из-за сложной мелодии или сложной хоровой аранжировки не все люди в пастве могут его подпевать?»

35. «Если только эта причина, то возможно. А люди пожаловались, что они не могут подпеть все? Они же могут и про себя подпевать. Это же не обязательно, чтоб все точно подпевали в процессе пения псалма, все, кто в зал приходят, одинаково хорошо подпевали сами про себя и в голос.

36. Если про себя подпеваешь, то, в общем-то, неважно, удаётся уловить тональность какую-то, переливы или нет.

37. Ведь когда человек слушает какое-то произведение искусства или смотрит на его, он не всегда всё это может повторить. Но он любит, он учится чему-то. Поэтому если это рассматривается с позиции, что красивый псалом, но не всем удаётся что-то повторить, то ничего страшного. Красивое – оно учит, оно ведёт за собой.

38. Либо кому-то кажется красивым (такие вот переливы), а другие специалисты смотрят – что-то смущает их, как-то это слишком сложно, для них видится это некрасивым. Тогда это уже спорный момент, где можно рассматривать допустимость включения такого псалма».

39. «Здесь больше, видимо, связано это с тем, что когда таких красивых, но сложных псалмов много, то у людей теряется возможность петь самим. Тогда они больше слушают, и это как концерт такой духовного пения получается. Вот это больше смущает».

40. «Такое тоже возможно. Всё равно это возможно, если относится это к чему-то красивому. Красивое учит красивому, то есть человек следует за красивым, он тянется к этому красивому. Если что-то не получается, он постепенно, по мере того как он тянется, начинает всё лучше и лучше что-то делать. Оно не сразу получится, но постепенно начинает получаться.

41. Нельзя подбирать такой псалом, который всем одинаково подходит. Так что такой подход возможен, в нём нельзя однозначно усмотреть какую-то ошибочность, недопустимость.

42. Вот если псалом настолько сложный, что его только один человек может исполнить, а все остальные как-то пробуют издать звуки и они всё не попадут, тогда уже, может быть, перегнули. Тогда автор просто гениальный, но он опередил немножко эпоху (на столетие), и по голосовым качествам люди просто ещё не в силах воспроизвести эти звуки, он один только их воспроизводит.

43. Ну, пусть один пойдёт, тоже допустимо, что вот есть такие варианты в гармонии... Все ахнули, постояли молча, с трепетом, но никто повторить ничего не смог. Тогда, конечно, эпоха псалмов закончится: автор погиб – и всё, псалмов не осталось».

44. «Допустимо ли здесь какую-то определить меру? Например, тридцать процентов псалмов красивых, но которые люди не могут воспроизводить...»

45. «...и семьдесят – некрасивых, но которые вполне воспроизводимые?»

46. «Да, семьдесят процентов, допустим, старенькие, всем известные».

47. «Нет, так нельзя. Вы создаёте что-то хорошее, гармоничное, оно и должно таким быть, прежде всего оно должно вас вести. Хорошее, гармоничное, красивое, вызывающее трепетное состояние, – это пусть и будет мерой. Нормально».

48. «Есть красивые псалмы, которые...»

49. «... всё-таки, потренировавшись, можно воспроизвести? Это нормально».
50. «И даже если большинство псалмов в литургии будет таких, то это нормально?»
51. «Не страшно, да. На литургии, главное, поёт организованный хор. У всех остальных возможность внутренне поучаствовать, внутренне попробовать подпеть, пусть, может быть, не совсем точно. Это допустимо, когда внутренне, про себя они пробуют подпеть. Но душой они сливаются с уже происходящим таинством, гармоничным, организованным, красивым».
52. «Понятно. Правильно ли выраженное на собрании мнение, что наиболее сильное чувственное раскрытие души на литургии дают только те псалмы, в которых повторяются следующие слова: «Господи, славься», «Я люблю тебя, Господи», «Благодарю тебя, Господи», а псалмы с другими выражениями, обращённые к Божественному и возвышенному, значительно менее раскрывают чувственный мир?»
53. «Нет, это не связано никак. Бог – во всём. Бог – во всём, что связано с Гармонией. Поэтому при любом упоминании о Гармонии вы в какой-то мере упоминаете об Отце».
54. «Правильно ли высказано на собрании мнение, что священнику лучше включать в литургию пятьдесят процентов псалмов именно с такими выражениями, где они неоднократно повторяются и дают вот это ощущение обращения к Богу?»
55. «Это уже увлечённость, это попытка очень сложно посмотреть на простое и гармоничное. То есть здесь у вас проявляются естественные человеческие особенности, когда к чему-то очень простому всё время есть тяготение двигаться очень сложно, очень запутанно. Это опять попытка усложнить то, что очень просто».
56. Красота проста. Она гениальна, проста. Она должна быть легко доступна в том, чтобы подойти к ней и легко её понять».
57. Может быть, не всегда удаётся повторить, так этому учиться нужно. К этому вы организуете себя, поднимаете свои возможности, умения, учитесь и дорастаете до этого красивого. Оно становится тогда доступным, вы легко сможете это повторить. Но вы учитесь этому».
58. Но это уже сложный подход будет – в процентах определять, какие слова повторять, не повторять. Это не магия какая-то, где надо обязательно какие-то слова произносить в какой-то последовательности – и там кружка подскочит где-нибудь».
59. «Правильно ли я понял, что не обязательно, чтоб в псалмах литургийных было прямое обращение к Богу, прямое славение? Могут быть псалмы, которые описывают чувственно мир Божественный или ощущения человека, который прикасается к этому миру?»
60. «Мне это уже непонятно. Достаточно ли просто описывать ощущения человека в псалме?»
61. «Человека, который соприкасается с Божественным».
62. «Значит, всё-таки вы упоминаете о Божественном?»
63. «Да, да, конечно».
64. «Ну так любое упоминание о Божественном – это уже хорошо».
65. Если вы просто в основном только чувства свои выражаете: «Вот мне хорошо, вот мне приятно, вот тут замечательно...» и так вот поёте, поёте и потом где-то в конце немножко о Боге что-то сказали, тогда это больше вы

славите себя, свои переживания.

66. Поэтому в псалме центральное – это то, где вы касаетесь Божественных таинств и своей радости, которую вы проявляете именно в отношении этого Божественного таинства, этой Божественной Гармонии.

67. То есть (ещё раз повторимся) псалом – это попытка человека восславить Бога, выразить свою благодарность Богу. Вот основа псалма. Люди организованно это делают вместе, стараются делать это красиво, опираясь на те творческие особенности, качества, которыми они наделены и которые они пробуют развивать, и с каждым разом это удаётся им делать лучше, лучше».

68. «Допустимо ли на детской литургии детям петь некоторые псалмы, взявшись за руки в круге и двигаясь медленно (или в среднем темпе) по кругу, совершая движения руками? Например, дети поднимают их к небу или протягивают вперёд друг к другу».

69. «Возможно».

70. «Можно ли, аранжируя старый псалом, изменить, по согласованию с автором и священником, одно или несколько слов, если эти слова не очень удачные?»

71. «Конечно».

72. «А если некоторые люди из паствы смутились тем, что некоторые псалмы изменили?»

73. «Это опять сложный подход, неправильный.

74. Вы же постепенно подводите к чему-то очень красивому, насколько в состоянии это сделать. Поэтому, что-то сделав, утвердив, вы вполне можете пересмотреть и сделать ещё лучше. Вы же всё больше развиваетесь, и любое произведение автор вправе переписать, переделать, сделать его ещё интереснее. Это допустимо».

75. «А в этом случае, если всё-таки кого-то смутили произведённые изменения, кому-то они показались не очень удачными, как быть? Спросить мнение большинства об этом изменении или достаточно того, что это решат священники вместе с хором?»

76. «Последнее слово в данном случае за священниками, конечно же, и в какой-то мере за специалистами в этой области (музыки, пения). Поэтому спросить можно, и человек должен проаргументировать. Недостаточно сказать «неудачно». «Неудачно» связано с чем-то, с более конкретной проблемой.

77. Допустим, произношение вот этих слов в сочетании со следующим словом как-то ломает язык, очень сложно перейти от одного слова к другому, спотыкаться приходится где-то. То есть попытка должна быть описать эту проблему поконкретней, не только остановиться на «неудачно», на такой оценке. А другие скажут: «Удачно» – и всё, это равноценное».

78. «Если священнику и хору видится, что более подвижное и лёгкое звучание старого псалма способствует более лёгкому, полётному состоянию, то возможно ли такое изменение в темпе, если раньше этот псалом пели более протяжно и медленно? Когда темп вот так меняется, то некоторых это смущает, привыкли петь по-старому».

79. «Непонятно. Тут пока не усматривается ничего негативного».

80. «Ну, привыкли петь медленно – и вдруг...»

81. «Темп не может обозначать сам по себе что-то негативное. Переход к чему-то более подвижному... в этом ещё нельзя

усмотреть ничего негативного. Ну и что.

82. Другое дело – сказали: «Вот мы пели тут протяжно, плавно, а потом стали петь так, что хочется бежать бегом» и все начали подёргиваться и уже чуть ли не переодеваться в спортивную форму. Тогда это уже, видимо, перегнули.

83. Ну, какая-то опять должна быть конкретность. Что-то чуть-чуть ускорить... ну и что? Возможно».

84. «Такие аргументы проговариваются, что необычно звучит, непривычно...»

85. «Это не ориентир. «Необычно, непривычно» – не ориентир, на который следует опираться. Качество, смотреть качество... что именно стало смущать конкретно. Скорость не есть объект смущения. Слишком большая скорость уже может быть объектом смущения. Но просто скорость нельзя рассмотреть как смущение».

86. «Хорошо. Что важнее и правильнее при организации литургии: петь всем участвующим, кто в храме находится, в порыве восславить Бога своим естественным пением, далеко не гармоничным и, может быть, неграмотным, но происходящим от душевного порыва, или достаточно слушать хор, который красиво поёт сложные псалмы (но в этом случае не всем удаётся подпевать)?»

87. «Подпевать достаточно внутренне. Если человек, не открывая рта, не издавая голоса, поёт песню про себя, он поёт её точно так же почти, как те, кто это делает вслух.

88. Если его интересует участие в песнопении, этого вполне достаточно, то есть таинство уже происходит. Но он не нарушает тогда звуковую гармонию в этом случае, он участвует в песнопении, не нарушая звучащее. Это нормально.

89. То есть это уже ошибочное толкование, прежде всего исходящее от эгоизма человека, когда он может подумать: «Как так петь, если меня никто не слышит!». Если это относится к Богу, Он слышит.

90. Тогда что смущает вас? Что не слышит ближний, сосед? Так если он тоже увлечётся, лишь бы от себя проорать что-нибудь, он же всё равно не услышит. Он же будет увлечён тоже тем, чтобы как-то поучаствовать погромче, а то тоже не слышно будет другим. Ну и что тогда может получиться?

91. Это, конечно, от души будет, у всех от души. Но тогда лучше будет сказать: вы лучше все молча спойте – будет приятней. Либо тогда лучше глухим собраться и спеть, так гармоничней будет. Тогда всё от души произойдёт и нормально, ни у кого не покоробится ничего, очки не треснут».

92. «Высказывается такой аргумент, что, когда вместе поют люди, возникает ощущение единства...»

93. «Вместе – это и то, что молча делается. То есть звучит мелодия, кто-то в голос поёт, а кто-то молча поёт, но стараясь про себя попасть в то, что он слышит. Это тоже вместе, это происходит уже вместе. Но эгоизму хочется, чтобы его слышали, вот на этом вы и ломаетесь».

94. «Могу ли я петь громче, выделяясь в хоре, если люди просят меня петь громче, чтобы настроиться на мой голос, на моё состояние?»

95. «Чтобы настроиться – нет».

96. «Хормейстер периодически просит меня петь тише, а некоторые псалмы вообще не петь, мотивируя тем...»

97. «Если есть старший, который организует хор, тогда следуют пожеланиям старшего».

98. «Чтобы не нарушать гармоничное звучание хора, да?»

99. «Ну да... Тут нужно посмотреть в целом на произведение, которое в этом случае получается. Чтоб не получилось такого: вот картина... одна фигура в картине интересная какая-то, её цветной сделали, всё остальное чёрно-белое... Тогда картина начнёт тоже проигрывать, если выделили одну фигуру всего лишь.

100. Надо уметь в целом произвести эффект нужный, не умаляя ничто другое в цвете (если про картину разговор). Так же будет и здесь: в звучании ничего не должно уმაляться, оно должно быть выстроено так, что, если надо что-то подчеркнуть, оно подчёркивается, но оно правильно тогда, грамотно должно быть объединено всё».

101. «Здесь последнее слово тогда, получается, за хормейстером?»

102. «Тот, кто старший. Если старший есть, организующий хор, тогда за ним последнее слово. Он ведь делает как умеет. Вы ему доверили, поставили старшим, значит, надо сделать так, как он видит. Надо будет послушать, он старший у вас».

103. «Допустимо ли на литургии хормейстеру, сидя перед хором, дирижировать руками достаточно активно, при том что его видят все люди? Хор лицом к пастве, перед ним хормейстер».

104. «Лучше не надо. Лучше будет этого не делать. Вольно-неволью, но он привлекает к себе внимание».

105. «Да, это людей смущает».

106. «Да. Постараться лучше обойтись без такого жестикулирования».

107. «Допустимо ли хормейстеру давать тон хору довольно громко перед пением псалмов? Это людей тоже смущает».

108. «Возможно это. А что смущает? Что, все вздрагивают, когда он это делает?»

109. «Ну, громко делает, и это как бы выделяется».

110. «И все сразу – раз, встрепенулись, и сбился весь настрой священный?»

111. «Выделяется как бы».

112. «Ну, это, насколько Я замечаю, вы здесь делаете».

113. «Здесь мы тихонечко стараемся».

114. «А там где-то гораздо громче, да?»

115. «Громче. Хор больше».

116. «Что именно смущает? Тогда поконкретней... Если действительно вы делаете это как-то резко, громко и это заставляет людей как-то иначе трепетать, тогда не стоит так делать, учтите эту ситуацию».

117. «Допустимо ли священнику за час до литургии наедине настраиваться на таинство в храме, то есть одному в храме молиться и не приходить на распевку-репетицию, которая происходит за час до литургии и на которой готовится хор к качественному исполнению литургии?»

118. «Если такой вопрос возникает, значит, он связан с какой-то проблемой».

119. «Проблема в том, что если священник не приходит на распевку, то он потом не очень точно звучит в хоре».
120. «Тогда неправильно. Мы уже сказали: если есть старший (поставили его старшим, вы сами его выдвинули), отвечающий за организацию хора, значит, старший должен быть удовлетворён. То есть все, кто в этом участвует, – под его ведением, они должны сделать так, чтобы удовлетворить его пожелания: он старший».
121. Поэтому, если человек не нарушает установленную ведущим гармонию, да пожалуйста, пусть он хоть за два часа, хоть за полдня придёт, хоть за месяц раньше придёт готовиться. Если не идёт нарушение. Но если всё-таки связано с нарушением, то, прежде всего, нарушать нельзя».
122. «Ещё один вопрос. Допустимо ли было священнику в период с апреля по май опаздывать или не приходиться на репетиции хора по причине, что после операции работа с землёй для него была довольно трудной и он физически сильно уставал? Вторая причина в том, что ему помогали строить теплицу и он показывал мастерам, что нужно сделать, и не мог прийти. И третья причина – уезжал на семинар по Празднику».
123. «Это говорит о том, что в Семье не всё налажено. То есть зачем ему было уставать, если ближние торопятся помочь?»
124. «Ну, там не очень торопятся. Там принято решение...»
125. «А, тогда, значит, там Семья не очень нормально действует. Если она неправильно действует, тогда, конечно, неизбежна серия накладок. Как Я скажу, что правильно или неправильно, если уже в самой основе что-то неправильно идёт именно из организации семейной жизни».
126. То есть он не должен был уставать. Либо, если знают, что он устанет, тогда просьба к Семье должна иметь отклик положительный и кто-то должен помочь ему, чтобы он смог нормально участвовать в священных таинствах как священник».
127. Конечно, прежде всего за ним священнодействия, исполнение их, и он должен это делать хорошо, если поставлен священником. Значит, всё остальное, что он может не успеть или что может отвлечь его от правильного исполнения священнодействий, – это всё должно быть перекрыто внутри Семьи».
128. «В последний период (апрель – июнь) усложнились взаимоотношения в природных семьях, и священнику приходится помогать, в два-три раза больше времени уделять людям. И в то же время необходимо выращивать огород, чтобы не пользоваться...»
129. «Это всё к тому, что мы сейчас говорили, да».
130. «Но в Семье принято решение о том, что священник, как и все остальные, должен сам вырастить всё».
131. «Ну, это неправильное понимание. Если есть нужда в священнике у членов Семьи, значит, ему в первую очередь эту часть надо решать, как священнику. И тогда Семья должна перекрыть то, в чём он будет нуждаться дома».
132. Важнее в Семье психологическая атмосфера, а не какой-то заранее определённый объём картошки и прочих овощей. Семейное вот это общее состояние психологическое должно быть хорошим, правильным. Но за этим в первую очередь и нужно всем смотреть верующим. А священнику – в первую очередь, получается».
133. Он должен вперёд торопиться бежать туда, где видит, что что-то психологически начинает появляться в виде накладки, чтоб сделать хотя бы какую-то первую помощь, как доктору. Первую какую-то помощь, какие-то первые движения, которые постепенно выведут проблему в какую-то плоскость, где уже она может быть решена через вопросы, через прочие какие-то действия».

134. Но если возникла какая-то болезнь психологическая, священнику уже нужно торопиться там появиться, чтобы побеспокоиться, проявить своё внимание и уяснить, какого рода заболевание начинает формироваться в этой семье.

135. И если он так будет беспокоиться, и если этого много, тем более, Семья не должна это ему запретить, она должна это рассматривать как что-то очень важное. А значит, если ему не хватает своих сил в этом случае на огород, этот огород перекрыть другими силами».

136. «Спасибо, Учитель».

137. «Учитель, правильно ли при переходе человека в другую деревню в характеристике упоминать о грубых нарушениях, по которым у человека было осознание ошибки и покаяние? Вопрос вызван тем, что была подсказка, что если человек осознал ошибку и покаялся, то ему об этом никогда не напоминают».

138. «Верно. Если человек покаялся, – всё, начинает рассматриваться эта область с чистого листа.

139. Если у человека систематически идут нарушения, тогда это возможно упомянуть, но для того, чтобы на это обратить внимание и помочь человеку, знать, где у него слабое место, чтобы быть осторожнее именно в этом направлении, уже заранее знать, как к этому отнестись. Не с каким-то таким требованием, как будто человек впервые сделал что-то, а когда понимается, что это именно его слабость и здесь как-то потребовать от него какого-то быстрого изменения не получится. Надо быть осторожнее, надо быть чутче в отношениях к нему, внимательнее, не наступать на его больное место.

140. То есть такое возможно упоминание, но если это видится уже как особенность человека. А не когда он что-то впервые сделал и понял, что это действительно ошибка, и готов больше этого не делать. Тогда забудьте про эту ошибку его, не нужно это упоминать».

141. «Нормально ли разрешить одинокой женщине присутствовать на мужском собрании, если свою просьбу она аргументирует желанием наполниться мужской энергией?»

142. «Нет, неправильно».

143. «В обстоятельствах, когда последователь из Москвы, участвующий в крестном ходе, нёс на груди икону с изображением царской семьи, правильно ли было сделать ему подсказку, что в нашем крестном ходе такую икону нести неуместно?»

144. «Ну, так-то да. Так можно понести и портрет президента, и какого-нибудь ещё представителя МВФ, и президента Обамы, и так далее. Царская семья – она такая же, как и семья любого другого человека. То, что её вознесли очень высоко, – это неверно. Они точно такие же люди, как и все вокруг».

145. «Правильно ли было доверить нести огонь последователю из другого города, идущего в крестном ходе?»

146. «Огонь несут только представители Семей».

147. «Нормально ли моё действие: ученику в классе на уроке рисования дать с его согласия задание нарисовать скульптуру Венеры? Вопрос вызван тем, что одного педагога смутило, что такие задания отсутствуют в школьной программе, и он увидел в этом нарушение Истины».

148. «А в чём нарушение Истины? В Последнем Завете такого запрета нет – чтоб дети до шестнадцати лет не рисовали Венеру».

149. «Следующий вопрос. После обращения ведущего собрания к одиноким пожилым людям, имеющим пенсию, откладывать сумму на свои похороны, а не возлагать эту дорогостоящую проблему на других, человек очень смутился. Уместно ли было такое моё обращение?»

150. «А кто-то может сказать: «Деньги... мало ли – деньги, потом бегай тут с этими деньгами, покупай всё, строгай... Вы уж приготовьте всё, регулярно ложитесь спать туда, чтобы потом вас не таскать с места на место». Ну, так до абсурда можно довести, конечно.

151. А когда начинаете действовать неправильно, из этого вытекает следующий логический шаг, который очень похож на предыдущий, но усложняющий его. И можно вот так идти... Поэтому, когда сделаете первый ошибочный шаг, всё остальное становится тоже разрешённое, если разрешить первое действие.

152. Поэтому первую накладку, которая уже начинает формировать неправильное движение, конечно, сразу лучше обозначать как неправильную.

153. Такое обращение неверно делать. А где же дружеское отношение? Ну да, человек, мало ли, в любой момент может покинуть эту землю, ну и что? У него, может, денег не хватило, но вы же с радостью отдадите свои последние, чтоб помочь сделать всё красиво, достойно. Поулыбаются, порадуются за его движение к возвышенному.

154. Ну, как-то некрасиво так обращаться. Это уже какой-то очень нехороший оттенок проявления заботы о ближнем. Это человек как бы заботится сам о себе... Вот так Семья у вас будет, если так будете делать!»

155. «Следующий вопрос. Будет лучше мне уходить с прослушивания встречи с Учителем сразу после окончания, не оставаясь на обсуждение, где Семья приходит к единому пониманию, если чувствую, что обсуждение мешает запоминанию?»

156. «Можно. Возможно, конечно. Обсуждать могут только те, кто видит в этом необходимость. Такое лучше рассматривать как внутреннюю необходимость человека поделиться, услышать мнение кого-то. Но заставить это правилом делать нельзя».

157. «Добрый день. У меня вопрос по литургии. Ты ответил, но вот, может быть, какие-то оттенки остались. Правильно ли моё понимание, что основная мелодия большинства псалмов, звучащих на литургии, должна быть в той тональности, которую могут поддержать люди, паства? Бывает, что мелодия высока, и люди, пытаясь подпевать хору, не дотягивают до верхних нот, и получается общая фальшь. Могу я обратиться к регенту с просьбой опустить тональность, чтобы людям было легче и чтобы было гармоничней, или такая просьба неуместна? Вот как быть с этой проблемой?»

158. «Только так, как Я подсказал. Если человеку не удастся сделать то, что задано определённой уже, организованной группой, которой доверяют исполнение таинства, тогда он делает это молча. То есть его истинное направление в стремлении быть вместе с другими уже реализуется от того, что он молча попробует это сделать».

159. «А это не будет нетактичным, если я, например, находясь в литургийном пространстве в храме, слышу этих людей и потом к ним подхожу и говорю...»

160. «Это если они молча делают?»

161. «Нет, нет, если они поют очень вдохновенно, но мимо нот. С ними можно такую беседу проводить?»

162. «Да, лучше человеку в этом случае петь про себя».

163. «А вообще можно, если мелодия несложная, но просто тональность очень высокая, посоветовать хормейстеру: «Ты

дай ниже тональность, и люди возьмут, и будет лучше?»»

164. «Не посоветовать, а предложить...»

165. «Предложить, да».

166. «Ну, попросить можно. Но это не совет, это просто как вопрос. Вы спрашиваете, не могут ли они это сделать, не видят ли, что это допустимо».

167. «Ну да. Тем более, я знаю, допустим, что этот псалом раньше пелся ниже».

168. «Ну, спросить можно. Но если он скажет: «Нет, нет, это будет хуже»... он старший».

169. «Тогда уже нужно паству обуздать, соответственно?»

170. «Это же не стадо, которое надо загнать куда-то. И там как будто бы и верующие. А верующие-то ведь смиренные такие, они не торопятся сделать хуже окружающим».

171. Это у верующего должен возникнуть вопрос: «Извините, друзья, я не нарушаю что-то, не мешаю ли вам я, что вот так пробую подпеть?» Это же его личное беспокойство.

172. Если он хочет сделать что-то видимое, слышимое для тех, кто рядом, он уже должен побеспокоиться, не нарушит ли он их настроение, состояние. А не просто помнить, что ему хочется во всём этом участвовать. Что происходит вокруг, как он начинает действовать на окружающих – это главным становится у очень скромного человека.

173. Верующий – это очень скромный человек. Поэтому проявление такое голосовое говорит о том, что человек недопонял Последний Завет, если он даже не задался вопросом, а не мешает ли он кому-то из близких. Это говорит о том, что он незнаком, может быть, даже с Последним Заветом, невнимательно его читает, не понял его особенностей. Вот и поговорите: так верующий ли это человек? почему он так невнимателен к таким делам простым?»

174. «А можно учитывать, что в Черемшанке много голосистых людей, и на едином понимании поднять такой вопрос, что все должны петь так, чтобы хор всё равно было слышно как доминирующий?»

175. «Да, желательно. Кто-нибудь придёт и не поймёт, что послушал».

176. «Спасибо. Ещё вот такой вопрос. Существуют псалмы, которые поются уже много лет, и в чувственном мире они уже уложены в определённом, скажем, темпе и в словах. И вот на очередной литургии хор начинает петь эти псалмы в новой аранжировке (другой темп, существенно сдвинутая скорость, частично изменённый текст), а люди по привычке, зная, что они поют именно этот псалом, поют старый текст. И получается накладка».

177. «То есть они не слушают, что поют?»

178. «Нет, там буквально одно-два слова изменено».

179. «Но, получается, они не слушают, что поют, они пришли спеть своё».

180. «Им кажется, что вот в этом месте должно быть такое слово».

181. «Если они слушают, тогда они попадут. Если торопятся спеть, тогда не попадут».

182. «А у меня, значит, неправильное понимание, что если псалом устоялся в чувственном мире и большинство вот так его принимает, то взять и через много лет поменять слова или темп резко сдвинуть – это выбивает немножко из чувственного состояния славления, заставляет думать, а какой там темп, какие слова придумали новые?»

183. «Прежде чем прозвучит какое-то изменение, об этом желательно тогда предупредить: «Ребята, вот здесь псалом прозвучит с некоторыми изменениями». Тогда просто вы предупредите близких, чтобы они не торопились сразу петь по-старому, а попробовали прислушаться, почувствовать, понять новое.

184. Но если новое внесли, у них должно быть тоже проявлено доверие. У тех, кто ответственный за это таинство, есть какой-то свой вкус, какие-то свои взгляды, понимания, ощущения, которые, в свою очередь, не могут быть одинаково восприняты всеми точно так же. Они могут разойтись в ощущениях.

185. Поэтому нельзя подогнать псалом и сделать его таким, чтобы он одинаково удовлетворил всех. Вполне возможны какие-то изменения, и это может не совпасть с какими-то пожеланиями. Ничего страшного, этому тоже нужно довериться положительно».

186. «А вот подобное предупреждение об изменении псалма, наверное, не на литургии же надо делать, а где-то на собрании, может быть?»

187. «Заранее можно предупредить: завтра будет литургия и вот такой-то псалом прозвучит с изменениями. Так можно сделать. Но те, кто поёт молча, никак не помешают. Опять идёт разговор о тех, кто хочет попасть в струю, и так, чтобы его услышали».

188. «Учитель, это общий закон вообще – приходиться на литургию и петь молча, да, пусть поёт хор? Вот так?»

189. «Лучше, когда поёт хор».

190. «Все остальные молчат?»

191. «Молча поют».

192. «А, понятно. Да, это снимает некоторые проблемы».

193. «Если они беспокоятся, не помешают ли они своим звучанием грубым ближним. Это же не просто правило, оно основывается прежде всего на смирении человека.

194. Вы же в Школе жизни, вы учитесь духовным таинствам, законам. И говоря о чём-то внешнем (участвовать в хоре – не участвовать), на самом деле мы должны говорить о законах, которые под этим всем подведены. И их надо видеть, эти законы, а не эту внешнюю мишуру в виде участия голосового в псалме или неучастия.

195. Поэтому дальше вы смотрите, что начинает вас будоражить, почему хочется сделать не так, как до этого что-то было. И если вы так начнёте внимательно присматриваться, вы увидите, что всё прежде связано как раз с вашими нехорошими корнями, которые желательно сначала изменить, а потом уже поднимать эту тему».

196. «Вот ещё один оттенок из этого. Серёжа упомянул, что с автором согласованы изменения псалма. А если с автором псалма не согласовали, а просто священники посчитали, что вот так будет лучше?.. Я у автора спрашиваю, а он говорит: «Нет, со мной не согласовали, сами решили». Ведь это же всё равно что картина написанная? Или это не так?»

197. «Не так. В данном случае это не должно быть так. Псалом – это то, что должно стать общечеловеческим, где нет автора. Это как с иконой: если икона создаётся, лучше под ней не подписываться.

198. Это что-то священное, оно общим должно стать, где лучше автору не проявляться. Если это произведение, возможно такое проявление. Но если это становится канонизированным, тогда лучше не надо.

199. А псалмы – это то, что становится в какой-то мере канонизированным, то есть они начинают становиться вашим достоянием, культурной ценностью, они потихоньку накапливаются, это можно в разные времена пропевать. Но они как бы становятся общими. И если со временем кто-то будет видеть, что ещё лучше можно что-то сделать, а автора уже и вовсе нет, – ну конечно, можно сделать ещё лучше попробовать».

200. «Спасибо большое».

201. «Можно ли членам единой Семьи работать в магазине, где им приходится продавать детям и взрослым вредные для здоровья продукты: кетчуп, майонез, сгущенное молоко, томатную пасту, мороженое, конфеты, печенье и прочие сладости?»

202. «Верующего это смутит. Если человек устремлён исполнять Истину, его лично это смутит. А раз его лично смутит, то, как верующий, как старающийся сделать всё максимально правильно, он не должен пойти против себя, иначе у него начнёт черстветь что-то внутри. Это закон.

203. Вот в эту основу и надо прежде смотреть. А не просто: ты же верующий, ты не должен делать!

204. Вы все разные верующие. Кто-то бдителен ко всем изменениям внутри и старается очень чётко следовать своей интуиции, совести, пониманию Истины, очень ревностно старается исполнить всё как можно правильной. А кто-то мягче на всё это смотрит, как бы с улыбкой, что-то отодвинув на потом, понимая: «Ну, как-то тут сложновато, я пока так сделаю, как ближе сердцу на сегодняшний день».

205. Вот вы по-разному и подходите к Истине. Поэтому здесь правило было бы неправильно ввести. Наоборот, когда есть что-то такое, не явно обозначенное, это лучше помогает вам определиться в этой жизни. И по тому, как вы занимаете те или иные места на Земле, очень хорошо становится видно, кто из вас чего стоит, на кого можно опереться, на кого – нет.

206. Если сказать: «Ну, где верующие? Давайте сейчас Я вам раздам кое-что материально очень ценное!» – лес рук, и не видно будет пихт, одни руки. А если Я скажу: «Сейчас раздам что-то очень для вас важное» – ... Вот Я и смотрю, где верующие, чтоб уже потом спокойно пойти раздать там, где это действительно могут принять».

207. «То есть Семья не несёт ответственности за тех, кто...»

208. «В Семье должны быть, конечно, большие строгости. И в эту основу желательно смотреть – что вы делаете.

209. Если мы Семью обозначаем как тех, кто как будто бы объединяется в ревностном стремлении исполнить Истину, то Я уже проговорил: ревностно устремлённый должен смутиться. Он делать может только то, что явно идёт действительно на пользу, что, по крайней мере, не вызывает смущения внутри. А если вызвало, он может переуточнить где-то, узнать поглубже, поточнее, действительно ли так, и, убедившись, что это нормально, тогда он в этом нормальном участвует».

210. «Спасибо».

211. «Всё. Желаю вам счастья и твёрдости в вашем движении на этом непростом Пути. Держитесь! Счастья вам. До встречи».